

не представлены все сословия России. Наиболее полно и выпукло обрисованы в первом романе характеры Арсения Шатрова и его жены Ольги. История размежевала людей на два противоположных лагеря. В «Страшном суде» (у Ю.— страшный суд истории) выдвинута фигура профессионального революционера Кедрова. Ю. передает напряженность развития событий, драматически, в отдельных случаях трагически завершаются судьбы героев (самоубийства, гибель в братоубийственной войне). Ю. ввел в роман портреты крупных исторических фигур эпохи — Распутина, Николая II, Ленина, Троцкого, Тухачевского, Колчака. Герои этого ряда нередко подаются не в прямой авторской характеристике, а с помощью личных писем, приказов, распоряжений, документов. Дилогия «Страшный суд» была удостоена Гос. премии РСФСР им. М. Горького.

В 1950 Ю. в качестве корреспондента «Известий» был на строительстве Куйбышевской ГЭС, позже была написана книга очерков «Свет над Волгой», послужившая материалом для романа «На большой реке», изданного в 1960.

Соч.: СС: в 4 т. / сост. В. П. Серебровский; предисл. Е. Осетрова. М., 1984; Слово о полку Игореве / пер. и комм. А. Югова; вступ. статья академика Б. Грекова и академика А. Орлова. М., 1954; Избранные произведения: в 2 т. / предисл. Е. Осетрова. М., 1975; Ратоборцы: эпопея: в 2 кн. / послесл. А. Разумихина. М., 1993; Страшный суд: эпопея: в 2 кн. М., 1978.

Лит.: Воспоминания о Югове: сб. / сост. Н. Х. Еселев. М., 1986; Далада Н. Ф. Алексей Югов: критико-биографический очерк. М., 1973; Солмина М. А. Югов Алексей Кузьмич // Энциклопедия «Слово о полку Игореве». Т. 5. СПб., 1995. С. 268–272; Широков В. Ратоборец русского слова. К столетию со дня рождения А. К. Югова // Лит. газ. 2002. № 12. 27 марта–7 апр.

А. И. Филатова

ЮРОВСКИХ Василий Иванович [25.12.1932, д. Юровка Далматовского р-на Курганской обл.] — прозаик, поэт, журналист.

Из крестьян. Отец занимался промысловой охотой и рыбалкой, работал в лесничестве, передав сыну нежную любовь к природе, тонкое понимание леса и его обитателей. От отца Ю. унаследовал и чувство подлинного патриотизма: в первые дни Великой Отечественной тот ушел на фронт, был контужен, летом 1945 инвалидом вернулся домой.

Будущие темы творчества Ю. навеяны впечатлениями самого раннего детства, когда «у отца отняли землю, а в колхоз он не

В. И. Юровских

вступил, не захотев стать бесправным, как все колхозники». Размышляя над непростыми судьбами нескольких поколений русских людей, писатель не устает поражаться исконной талантливости отца, матери, неграмотной бабушки Луки Григорьевны, которые и подвигли его к сочинительству своими рассказами о жизни. То, как «красно и сочно обо всем они говорили, да и односельчане походя рассыпали словесные богатства», внушало чувство долга: «Только знай слушай и запоминай!» (**Автобиография**. Отдел новейшей лит-ры ИРЛИ). Писатель признавался, что «смертельно, до потери сознания любил свою деревню, леса и поля, каждую былинку и сушинку. И очень хотелось рассказать о родине так, чтобы ее все, все полюбили!» Красота Слова и красота Мира в сознании Ю. слились воедино. «Все, что было печатное в Юровке, было мною прочитано. Все церковные книги, все молитвы, десятки их знал наизусть и бегал петь Рождество до шестого класса. Поэтому и был исключен из пионеров, куда недели на три вступил вопреки маме. Она у нас была глубоко верующей...» («Автобиография»).

В 1950 Ю. поступал в худож. училище в Свердловске (где встречался с П. П. Бажовым), но в итоге его «университетам» стала сама жизнь, и к настоящему образованию он шел долгими путями. Ю. был вынужден помогать семье, которая жила в крайней бедности,

и только в 30 лет экстерном сдал экзамены на аттестат зрелости. Впоследствии учился заочно — на ф-те журналистики Уральского гос. ун-та и лит. ф-те Шадринского педагогического ин-та.

Начиная с 7-го класса школы и затем в армии Ю. редактирует стенгазеты и боевые листки, активно работает в армейской газ. «Доблесть». В нояб. 1955 его принимают литературным сотрудником Уксянской районной газ. «По сталинскому пути». С этого момента в течение 20 лет Ю. работает в местных районных и областных газ., городской газ. «Шадринский рабочий», в разное время занимая должности ответственного секретаря, заведующего отделом, заместителя редактора. С 1976 Ю. всецело посвящает себя худож. творчеству.

Начав еще в детстве писать стихи, зарисовки о природе, рассказы и небольшие повести, Ю. сохранил верность этим жанрам на всю жизнь. Первое стих. Ю. было напечатано в Уксянской районной газ. в 1952. В становлении Ю. как писателя большую роль сыграли поэты Ф. Сухов, В. Гордейчев, А. Еранцев, Я. Вахменцев, А. Виноградов, публицист и критик В. Косолапов. В 1968 Южно-Уральское книжное изд-во выпускает первую книжку рассказов о природе «**Снегириное утро**». Затем, с редкостным постоянством в приверженности к жанрам лирической миниатюры и повести, выходят 12 книг прозы Ю. Одновременно он печатается в ж. «Новый мир», «Наш современник», «Молодая гвардия», «Урал», «Подъем», «Уральский следопыт», «Пионер», «Юный натуралист», «Лит-ра в школе», в газ. «Сельская жизнь», «Лит. Россия», за рубежом (на польском и казахском яз.).

Критики называют существенные черты творчества Ю.: «Он удивительно зорок на все доброе и солнечное в природе и человеке» (Потанин В. Своя песня // Лит. Россия. 1980. 26 дек.); «Каждый его рассказ — „бывальщина“ — это, как правило, и маленькая, свободная от дидактических нравоучений притча, раздумье об истинных и мнимых ценностях жизни. Они <...> заключены в живой образ, наполненный мыслью сердечной» (Селезнев Ю.— С. 6).

Уже первая книга прозы Ю. «Снегириное утро» (1968), посвященная природе, переменам в настроении зимы и лета, обнаруживала глубокую связь автора с почвенным направлением русской лит-ры второй половины XX в. «Природа и человек в ней, красота мира и красота человеческого чувства — вот что занимало, тревожило и велело браться за перо сыну крестьянина, художнику», — отмечал

А. Еранцев (Еранцев А. На взлете // Молодой ленинец. 1972. 14 окт.). Следование традициям русской лит-ры стало творческим кредо Ю., делом профессиональной и человеческой чести. Ю. продолжает одно из магистральных направлений русской лит-ры XX в., восходящее к поэзии Есенина и Рубцова, прозе Е. Носова и В. Белова, Астафьева и Распутина. «Деревенщик я, и тем и горжусь...» («Автобиография») программное заявление писателя. Часто его герои напрямую соотносятся с шолоховскими и шукшинскими «чудиками» («**Обуховские, болотные, Теоретик**», «**Нечистая сила**»).

В восприятии читателей и критиков Ю. неизменно предстает самобытным словотворцем, хранителем и заступником родной речи: «Он поэт в прозе. Он такой писатель, каких немного на Руси по звону и сиянию родного слова, по сокровенной и простодушной выразительности дум и чувств. Он творит образ человека его же словами и делами» (Романов А.— С. 164).

Лучшие рассказы и новеллы писателя прочно завоевали прежде всего детскую читательскую аудиторию. Как и для взрослого, для ребенка читать рассказы Ю., по словам В. Астафьева, — одно удовольствие, «словно сахарок сосешь» (из письма В. Астафьева к Ю., архив автора). Возникает «ощущение, будто с асфальтированного шоссе сворачиваешь в лес, выходишь на поляну, и перед тобой расстилаются чарующие ковры трав, цветов в окрестном гомоне, пении, треске всякой видимой и невидимой живности, — так пронизаны эти рассказы светом, так по-хорошему цветист язык», — замечает М. Лобанов (Цит. по: Шадрин-городок. 2002. № 11. 25 дек. С. 7).

С той же органичностью вписывается Ю. и в контекст «природоведческого» направления лит-ры для детей XX в., представленного именами В. Бианки, Г. Скребицкого, Е. Чарушина. Как и Бианки, Ю. любит обращать внимание читателя на «диквинки» в природе. В то же время по своему восприятию природы — скорее худож.-изобразительскому и философско-лирическому, нежели собственно научному, — Ю. ближе к М. Пришвину, а из современных ему поэтов-ровесников — к Т. Белозерову, главный авторский «посыл» которых состоит в убеждении, что чудо природы способен открыть любой внимательный ее наблюдатель, подвижный чутким и бережным отношением к ней. Уникальному, неожиданному в природе в зарисовках Ю. нередко сопутствуют заглавия-загадки («**Голубые зайцы**», «**Лесные трагедии**», «**Леший**», «**Мачеха**», «**Старый знакомый**», «**Кла-**

довье лета»). Писатель часто начинает миниатюру с познавательной задачи: «с давних пор известно — лисица всегда норвит сцапать зайца. Но бывает и другое...» («Шалуньи»). В отсчете времен года Ю. склонен следовать правилам «лесного», а не «гражданского» календаря («Перволетье»). Для мн. произведений Ю. («Чьи это ноги?», «Кто чем поет?», «Лесная газета», «Лисичкин хлеб», «Золотой луг», «Кладовая солнца», «Волчишко» и др.) можно отыскать параллели у его предшественников, и это отвечает творческой задаче писателя, полагающего, что «традиционная, консервативная русская литература <...> оберегает чистоту и сохраняет классическим лицо нашей литературы» (Федоров А. Простые истины // Шадрин-городок. 2002. № 11. 25 дек. С. 5). Для человека, первым потрясенным в жизни которого стали «родные уголья, вся живность», а вторым — сказка С. Т. Аксакова «Аленький цветочек», оставшаяся «любовью на всю жизнь» («Автобиография»), такая позиция закономерна.

Превосходный живописатель речек, птиц, восходов и закатов русской природы, Ю. не только мастер лаконичной прозы в духе Чехова и Пришвина. С помощью безличных и назывных предложений, преобладающих в его прозе, Ю. удается «остановить мгновение», в слове, как в картине, зафиксировать чудо красоты мира. Ю. стремится подчеркнуть глубокую взаимную зависимость человека от природы. В автобиографическом рассказе «Снегириный куст» герой-ребенок, заметив беспокойство птиц, чуткой душой и безошибочной детской логикой постигает закон, связующий все живое: «Они плачут потому, что ягоды ихние, а мы с тобой едим? Оставим им, а то они с голоду умрут...» (Снегириное утро. С. 11). Этот акцент Ю. может по-некрасовски сместить на рачительно-хозяйское отношение к «братьям нашим меньшим», как в рассказе «Старый знакомый». Речка Крутишка из рассказов Ю. станет «таким же светоносным символом, как тургеневский „Бежин луг“ или „Байкал Распутина“», — полагает В. Ганичев в письме к автору (Роман-ж. XXI век. 2000. № 10. С. 2).

«Чадолюбие» в самом широком смысле этого слова — качество прозы журналиста и писателя Ю., единодушно отмечаемое читателями и критиками. Именно оно послужило причиной предложения председателя правления СП России В. Ганичева включить в учебную хрестоматию по лит-ре рассказы Ю. как лучшего из писателей, пишущих сейчас о природе, поскольку «трепетность»

и «нежность» его творческой манеры, удивительное «полифоническое многоголосие <...> не в состоянии воспроизвести ни один симфонический оркестр» (Ганичев В. Юровских — Пришвин сегодня!).

Ю. — член Союза журналистов (1957), член СП РСФСР (1975), Почетный гражданин города Шадринска (1999). Лауреат премии ж. «Наш современник», дипломант Всероссийского конкурса на лучшую книгу для детей (за книгу «Синие пташки-пикушки»), лауреат Большой лит. премии России (вручена в 2002) за рассказы из книги «Родные».

Соч.: Снегириное утро. Челябинск, 1968; Певучая речка. Челябинск, 1974; Материнское благословение. М., 1979; Журавлиные корни. М., 1979; Веснозапев. Челябинск, 1980; Синие пташки-пикушки: Лирическое повествование в рассказах. М., 1981; Сыновний зов. Челябинск, 1982; Столешница. Челябинск, 1986; Родня. М., 1988; Родное гнездовье. М., 1990; Три жизни. Челябинск, 1990; Родные. Шадринск, 1999; Утротворец. Шадринск, 2002.

Лит.: Василий Иванович Юровских: библиографический указатель. Шадринск, 2002; Крупин В. О сверстниках // Кольцо забот. М., 1982. С. 83–90; Селезнев Ю. Своя песня // Юровских В. Сыновний зов. Челябинск, 1982. С. 5–7; Акимова А., Акимов В. Координаты психологической прозы // Акимова А., Акимов В. Семидесятые, восьмидесятые: проблемы и искания совр. детской прозы. М., 1989. С. 88–104; Потанин В. Песенный дом Василия Юровских // Советское Зауралье. 1992. 25 дек.; Романов А. В какой стороне счастье? // Романов А. Искры памяти. Вологда, 1995. С. 164–166; Ганичев В. Юровских — Пришвин сегодня! // Исеть. 2002. 4 янв.; Шадрин-городок. 2002. 25 дек. № 11 [спецвыпуск, посвященный В. Юровских]; Федорова В. Свой среди своих: О прозе Василия Юровских // Российский писатель. 2004. № 1. С. 11.

О. И. Тиманова

ЮШКЕВИЧ Семен Соломонович [25.11 (7.12).1868, Одесса — 12.2.1927, Париж] — прозаик, драматург.

Родился в зажиточной семье. Обучался медицине в Париже. Первый очерковый опыт получил благословение А. М. Скабичевского. Дебют (рассказ «Портной», 1897) состоялся в ж. «РБ». Повести «Распад» и «Ита Гайне» (обе — 1902) принесли автору широкую известность и определили особый ракурс его творчества: интерес к жизни еврейской бедноты. Подчеркнуто трагическое восприятие мира, гнетущее мрачный колорит, безысходность, неуверенность в завтрашнем дне, погромы, самоубийства, обусловленные силой общественных обстоятельств, типичны для